

УДК 165.0 : 930.1

О. И. Нагорный

Сумской государственной педагогической
университет имени А.С.Макаренко

ВОЗМОЖНЫЙ ПУТЬ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Статья посвящена одному из возможных путей развития современного исторического познания. Акцентировано внимание на постановке новых неожиданных вопросов современной классической науки. Предпринята попытка проанализировать как потенциальные возможности, которые открывает перед историческим познанием переход к новым вопросам, так и проблемы, связанные с подобным переходом. Раскрыто влияние подобных вопросов на истину. Отмечено, что умение постановки новых вопросов является критически важным для любого современного ученого.

Ключевые слова: истина, познание, новые вопросы, «сеть» исторических событий.

Познание является мощным инструментом, который позволяет разобраться в окружающем нас мире и в определенной степени подчинить его нашей воле. В вопросе о главной цели познания большинство как обывателей, так и ученых будут едины – главной целью познания является получение истинных знаний. Однако не таким единодушным будет их мнение по поводу того, что же такое истина, истинное знание. То, что единого взгляда на проблему истинности нет, не мешает как отдельным ученым, так и научным сообществам оперировать этим понятием в борьбе с оппонентами, стремясь любой ценой доказать истинность своей позиции и неистинность (ложность) позиции оппонента, что похоже на абсурд. Что еще хуже, данная погоня за истиной часто скрывает от самих ученых, в ней участвующих, ту массу других вопросов, которые в данной ситуации были бы более уместными и прогрессивными. Более того, они помогают сместить центр научной дискуссии с оппозиции «истина – ложь» к оппозиции «мое мнение – мнение другого». Данный поворот, несомненно, открывает перспективы кооперации мысли, взаимообогащения знанием, что намного продуктивнее тщетных попыток самоутверждения посредством использования истины.

Цель этой статьи – выяснить, может ли современное историческое познание идти путем постановки новых нетрадиционных вопросов современной классической науки и будет ли этот путь продуктивен в поисках истинного исторического знания?

К подобной проблеме обращается российский философ истории Ю. Зарецкий. В главе «История в российском и американском

университетах» своей книги автор, имея опыт преподавательской работы как в России (хотелось бы отметить, что современная украинская система университетского образования, будучи, как и российская, наследницей советской, вряд ли чем-то кардинально отличается от современной российской), так и опыт наблюдения за процессом организации обучения и общения со своими западноевропейскими и американскими коллегами, задается вопросом: где лучше знают историю/учат истории?

Этот вопрос оказывается не таким простым в связи с изменениями в представлениях о научном знании, которые произошли в XX веке. В основе этих изменений – признание того, что научное знание производится людьми, и потому оно культурно и исторически детерминировано. Сегодня все большую важность начинает приобретать постановка новых вопросов (в классической науке, как известно, главное – нахождение ответов на ранее заданные), которые часто рассматриваются как «локомотивы» научного знания, поскольку привлекают внимание к целым группам данных, которые раньше были вне поля зрения исследователей. Если говорить конкретно об истории, то эти изменения приобретают форму проблематизации «классических» представлений о взаимоотношениях историка и исторического прошлого, долгое время представлявшихся как «единственно верные».

В этих условиях традиционная функция университета как «передатчика знаний» перестает быть основной, а обучение самостоятельному поиску нового начинает играть первостепенную роль. Учитывая это, Ю. Зарецкий констатирует, что для российских студентов история – это нечто вроде старого толстого учебника, который сначала нужно выучить наизусть, а потом попытаться дополнить, уточнить, разъяснить в процессе самостоятельного исследования. Взглянуть на прошлое по-новому, задать ему смелые, неожиданные вопросы им удастся гораздо хуже, чем их американским и европейским сверстникам [1, с. 366–369].

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что нашим студентам удастся лучше работать с событиями и фактами истории, а зарубежным – задавать правильные вопросы этим событиям и фактам.

Понятие истины является древней философской проблемой. Не будем на ней детально останавливаться, упомянув два основных момента:

1) в научном сообществе нет единой точки зрения на истину, а есть несколько теорий объяснения истины, среди которых: корреспондентская или классическая (истина есть соответствие знания действительности), конвенциональная (истина как продукт гласного или негласного соглашения между участниками познавательного процесса), прагматическая (истинность знания определяется его практическими последствиями, пользой) и другие;

2) основным же вопросом касательно истины, будоражащим вот уже несколько тысячелетий ученых всего мира, есть возможность или невозможность получения истинных знаний.

Нас же сейчас больше интересует то, как задаваемые учеными вопросы, их формулировки, могут повлиять на возможность получения истины.

Общеизвестно, что дискуссии по поводу права гуманитарных наук, в том числе и истории, на обладание истинным знанием завершились в начале XX века положительно, «при всем различии естественнонаучного и социально-гуманитарного способов постижения реальности, оба они нацелены на получение объективной истины» [3, с. 114–115]. Тем не менее, некоторые представители точных наук продолжают смотреть на науки социально-гуманитарные, если и не враждебно, то, по крайней мере, с определенным недоумением, неохотно признавая за ними право на истинное знание. Поэтому в нашем исследовании воспользуемся примерами как из области точных наук, так и наук социально-гуманитарных.

Первый пример будет касаться измерения расстояния. Каждый из нас знает, что систем измерения расстояния много и наряду с миллиметром, сантиметром, метром, дециметром, километром существуют еще линия (line), дюйм (inch), хэнд (hand), фут (foot), ярд (yard) и т.д. Какая из этих систем истинна? Так же дело обстоит с измерением температуры: кроме привычных для нас градусов Цельсия есть еще градус Фаренгейта, Реомюра, Ранкина, Гаука; Кельвин. Какая же из этих единиц истинная? Третьим примером подобного рода может служить календарь. Как пример, можно сравнить григорианский (христианский) и исламский календари. Исламский календарь является лунным (месяц равен 29-30 дням, а год – 354-355 дням), тогда как григорианский является солнечным (месяц длится от 28 до 31 дня, а год – 365-366 дней). У каждого из них своя точка начала отсчета (хиджра и рождение Иисуса Христа соответственно). Какой же из этих календарей истинный? Таких примеров можно привести множество. Переместившись в сферу гуманитарных наук, можно прийти до полного абсурда, например: какой из современных языков истинно отражает объективную реальность?

Следует отметить, что человечество пыталось унифицировать разные системы величин посредством международной системы величин СИ. Однако ее предписания носят «мягкий» характер: она не сколько запрещает, сколько не рекомендует использовать величины, отличные от ею предложенных. Подобные попытки имели место и в сфере лингвистики в виде искусственных языков международного общения идо и эсперанто, однако успехи по их внедрению оказались более чем скромными.

Данные примеры демонстрируют тот факт, что иногда в поисках истины можно прийти до абсурдности. К тому же вам совершенно безразлично, как другой человек измеряет расстояние, температуру, каким

календарем он пользуется и на каком языке он разговаривает, если вы знаете соотношение между вашей системой и системой другого человека. Ситуация осложняется, если вы не знаете, не признаете никаких систем, кроме своей собственной.

Такая ситуация может иметь место не только в повседневной жизни, но и в науке. Главным аргументом в такого рода спорах является стремление придать своим рассуждениям истинность, и лишиться истинности и даже намек на нее суждения конкурентов. Подобная ситуация возникает из-за нежелания принять положение о культурной и исторической детерминированности знания, классического отношения к любой науке как «старому толстому учебнику», который нужно выучить и дополнить. Пересмотр же традиционных взглядов этого «учебника» с помощью нестандартных, новых вопросов считается нежелательным и вредным.

Чтобы понять, почему так случается, следует снова обратиться к понятию истины, разобраться с его притягательностью. Одной из главных причин стремления к истинному знанию была такова, что правом называться науками обладали лишь те научные дисциплины, в сфере интереса которых пребывает абсолютная истина, которую они могут доказать общенаучными (читай – естественнонаучными) методами и выразить в понятной, желательной математической, форме. С начала XX века и по сегодняшний момент к возможности получения абсолютной истины, как отдельными учеными, так и научными сообществами, как в естественных, так и в социально-гуманитарных науках, отношение все более скептическое. Если для ученых XVIII–XIX века понятие истины было чуть ли не единственным показателем серьезности и научности того дела, которым они занимались, то для ученых на современном этапе важнее качественно заниматься любимым делом, а не доказывать кому бы то ни было, что это любимое дело является наукой. В качестве примера хотелось бы привести высказывания нескольких философов истории. Ж. Ле Гофф отмечает «труд историка представляет собой некую форму интеллектуальной деятельности, которая одновременно является поэтической, научной и философской» [4, с. 156]. А Р. Коллингвуд сравнивает труд историка с трудом детектива, расследующего преступление, или, с некоторыми оговорками, романиста, пишущего художественное произведение [2, с. 230–231; с. 234–235]. А вот мнение Л. Февра по этому поводу: «Я считаю историю не наукой, а исследованием, которое ведется научным способом» [4, с. 227]. Тем не менее, формула «истинное – значит научное» осталась на подсознательном уровне.

Второй причиной подчас фанатичного стремления к истине является культурное наследие западной цивилизации родом из средневековья, когда молодое христианство пыталось взять под свой тотальный контроль все сферы жизни общества. П. Рикёр подчеркивает тот факт, что «исторически первое проявление этой насильственной унификации истины... связано с

теологией, с ее авторитетом, с правом церкви на истину» [5, с. 199]. Монопольное право церкви на истину хорошо увязывалось с догматической сущностью христианского учения и было весомым преимуществом в «битве» за средневековое общество. На современном этапе церковь не стремится иметь всепоглощающего контроля над жизнью отдельных людей и целых обществ, однако ее вполне заменили представители власти светской, ведь истина – хороший базис не только для религиозного учения, но и для политической идеологии. Возможно, поэтому мы можем наблюдать последствия такого влияния до сих пор.

Третья причина связана с психологическими особенностями работы нашего головного мозга. Нам претит хаос, в любой непонятной жизненной ситуации мы стараемся разобраться, после чего систематизировать, классифицировать, унифицировать полученные в процессе разбора знания. Однако в таком, казалось бы, правомерном стремлении кроется большая опасность. Как справедливо отмечает П. Рикёр, «в самом своем первоначальном смысле истина предстает перед нами в качестве регулятивной идеи, в качестве задачи, нацеленной... на унификацию познания, то есть на устранение разнообразия, существующего как в сфере нашего знания, так и в сфере мнений [5, с. 57]. Он продолжает мысль таким образом: «культурное развитие, которое имеет своим истоком греческое мышление, является процессом плюрализации человеческого существования. И тем не менее... мы хотим, чтобы истина была едина». Это желание, по его мнению, двойственно. С одной стороны оно говорит: абсолютный плюрализм невыносим, а с другой как бы предупреждает: «как только требование единой и неделимой истины зарождается в истории в качестве задачи цивилизации, оно сразу же становится симптомом насилия... Достигнутое единство истинного как раз и есть изначальная ложь [5, с. 197–198]. Двойственность понятия истины подмечена верно, как и тот факт, что как с абсолютным плюрализмом, так и с абсолютной истиной современному научному познанию не по пути.

В завершении вернемся к вопросу о том, почему в истории вопрос об истинности или ложности позиции оппонента является непродуктивным. Р. Коллингвуд предложил замечательную, по нашему мнению, схему построения исторического знания. «Картина предмета исследования, создаваемая историком,... представляет собой некую сеть,... натянутую между определенными зафиксированными точками – предоставленными в его распоряжение свидетельствами источников; и если этих точек достаточно много, а нити, связывающие их, протянуты с должной осторожностью,... то вся эта картина будет постоянно подтверждаться имеющимися данными, а риск потери контакта с реальностью, которую она отражает, очень мал» [2, с. 231]. Большинству людей такой в общих чертах представляется работа историка. Однако, и на этом также акцентирует внимание Р. Коллингвуд, здесь имеет место неверное утверждение о том, что свидетельства, между которыми историк

натягивает нити, даны нам в готовой форме. На самом деле они, как и нити, являются построениями самого историка, ведь именно историк решает, какие источники использовать, а какие нет, каким источникам верить, а каким нет и т.д. Следовательно, каждый историк конструирует свою «сеть» событий. О каждой из этих сетей нельзя утверждать, что они истинные или ложные, но можно утверждать, что они отличны друг от друга, иные.

Этот пример демонстрирует всю нелепость постановки вопроса о том, чья позиция истинна, а чья – нет. Мало того, что разобраться при таком построении исторического знания, чья «сеть» истинна, а чья – нет, очень сложно, если не сказать невозможно, так еще такая постановка вопроса не дает нам равным счетом ничего. В признании позиции оппонента не истинной толку не больше, чем в признании метра истинной мерой длины, а ярда – неистинной. Вопрос истинности здесь представляется нам переходящим из области науки в область этики и морали. Признание позиции оппонента ложной объясняется либо нежеланием идти в ногу со временем, либо нежеланием (невозможностью) отнестись к позиции другого как к равноправной.

Почему появилась такая точка зрения? Что автор хотел нам донести с ее помощью? Где он ошибся, и имела ли эта ошибка преднамеренный или непреднамеренный характер? А может автор прав, а мы ошибаемся, и если так, то почему это случилось? Эти вопросы будут для нас более полезными, чем попытки, в большинстве своем тщетные, разобраться в том, кто же из нас говорит истину, а кто – лжет. Как отмечает Р. Коллингвуд: «научный историк рассматривает утверждения других историков не в качестве исторических фактов, а как основание для своих суждений, они для него не истинные или ложные описания исторических фактов..., а факты,... которые могут пролить свет на подлинные события истории, если мы зададим им верные вопросы» [2, с. 261].

Резюмируя все вышесказанное, можно утверждать, что в современной исторической науке, да и науке в целом, умение правильно поставить новые вопросы традиционному, классическому знанию имеет грандиозное значение. Подобное умение посмотреть на классические вопросы под новым углом, постоянно пересматривать свою позицию и позиции других ученых в соответствии с новыми достижениями в науке является критически значимым для любого прогрессивного исследователя. Напротив, упорствование в традиционных методах и подходах к изучению истории как «толстого учебника», который надо выучить наизусть, а после восстановить все «так, как было на самом деле», нанесет непоправимый вред как отдельному ученому, так и науке в целом.

Акцент в современном историческом познании смещается. Нас уже интересует не столько вопрос о том, истинна или ложна позиция другого исследователя, сколько то, что он хотел ею сказать, в какой форме и почему именно так, а не иначе, почему не так, как это делаем мы?

Значительное влияние подобные тенденции оказывают и на понимание истины в историческом познании. Истина как понятие, стремящееся объединить и унифицировать познание, однако, достигнув абсолютного единства, оказывается абсолютной ложью, очень нуждается в постоянном новом взгляде, постановке новых вопросов классическому знанию, которые не дадут ей окаменеть абсолютной догмой или рассеяться в релятивизме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография / Ю. П. Зарецкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
2. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: пер. с англ. / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – 486 с.
3. Лазарев Ф. В. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный поход / Ф. В. Лазарев, С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 95–115.
4. Ле Гофф Ж. История и память: пер. с франц. / Жак Ле Гофф. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 303 с.
5. Рикёр П. История и истина: пер. с франц. / П. Рикёр. – СПб.: Алетейя, 2002 г. – 400 с.

РЕЗЮМЕ

О. І. Нагорний. Можливий шлях сучасного історичного пізнання.

Статтю присвячено одному з можливих шляхів розвитку сучасного історичного пізнання. Акцентовано увагу на постановці нових несподіваних питань сучасній класичній науці. Зроблена спроба проаналізувати як потенційні можливості, які відкриває перед історичним пізнанням перехід до нових питань, так і проблеми, пов'язані з подібним переходом. Розкрито вплив подібних питань на істину. Відзначено, що вміння постановки нових питань є критично важливим для будь-якого сучасного вченого.

Ключові слова: істина, пізнання, нові питання, «сітка» історичних подій.

SUMMARY

O. Nagornyj. Possible way of modern historical knowledge.

The article is devoted to one of the possible ways of development of modern historical knowledge. The attention is focused on the production of new unexpected questions of contemporary classical science. An attempt was made to analyze both the potential that opens up historical knowledge transition to the

new questions and problems associated with such a transition. The impact of these questions on the truth was disclosed. It was noted that the ability to ask the new questions is critical to any modern scientist.

Key words: *truth, knowledge, new questions, «chain» of historical events.*